

УДК 090.1:821.133.1"18"

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА XIX ВЕКА В СВЕТЕ ГОДА ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

Юркевич Нина Валентиновна,

*заведующая отделом редких книг и рукописей
Научная библиотека*

*ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского"
(г. Симферополь, Республика Крым, Россия)
+7 978 856 99 25 ; ibrary@crimea.edu*

В статье рассматриваются французские книги XIX века, авторы которых, как русского так и французского происхождения, своим творчеством способствовали сближению двух стран, установлению дружбы и сотрудничества между ними путем духовного взаимопроникновения и культурного диалога.

Ключевые слова: Каролина Павлова, графиня де Сегюр, Эжен Мельхиор де Вогюе, переводы, французская литературная критика, французская детская литература.

Библиотека Крымского Федерального Университета - уникальное собрание редких книг, в том числе на иностранных языках. Фонд этот еще недостаточно изучен. Он открывает нам богатейший мир для научных исследований, удивительных открытий и находок.

Каждая книга интересна и уникальна: это не просто единица хранения, а своя судьба, биография, часть жизни, за которой стоят конкретные люди в многообразии человеческих отношений. И есть среди них такие, которые будоражат воображение, вызывают душевный трепет и восхищение. Именно о таких книгах сегодня пойдет речь.

Но мне приятно говорить о них еще в связи с важным событием в жизни нашей страны. Указом президента в России 2015 год объявлен

годом литературы. Это яркий, замечательный, объединяющий общество проект, главной целью которого является: "...возродить в обществе ценность хорошей книги" и вызвать интерес к чтению у подрастающего поколения. А книги о которых сегодня пойдет речь можно по праву считать хорошей литературой, тем более, что их авторы, владельцы имеют в большей или меньшей степени отношение к России: ее истории и культуре.

*Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих,
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло;
Моя напасть, мое богатство!
Мое святое ремесло!*

Эти строки принадлежат талантливой поэтессе и переводчице, современнице А. С. Пушкина Каролине Павловой.

Рядовому отечественному интеллигенту имя Каролины Павловой, как правило, мало что говорит сегодня. И литературоведы, даже при высокой оценке ее поэтических заслуг, вспоминают о ней не часто. Поэтому книги ее стихотворений: библиографическая редкость. А у нас в редком фонде хранится уникальная книга, прижизненное издание Каролины Павловой, которое вышло в Париже в знаменитом издательстве" Фирмен Дидо, в 1839 г. на французском языке. Озаглавлена она "Les preludes("Прелюдии").

На титульном листе и авантитуле две дарственные надписи. Одна надпись на французском языке "A la famille Aksakoff non comme au teur mais comme amie. Carolina". ("Семье Аксаковых не как автор, а как друг. Каролина") На авантитуле рукой Сергея Тимофеевича Аксакова запись о дарении им этой книги А. И. Казначееву. "Александру Ивановичу Казначееву от семейства Аксаковых. 1841. Октябрь. Москва". Какие значительные и яркие личности с трепетом сердца читали и наслаждались искусством перевода и высокой поэзией Каролины Павловой. Кто же такая Каролина Павлова?

Бывает ведь - то, что должно было принести счастье, приносит боль. Ей был дан талант - но слава обошла стороной, была любовь - но оставила лишь грустные воспоминания, были деньги - но она доверила их человеку, не умевшему ими распорядиться. Судьба поэтессы соткана

из таких трагических противоречий.

Каролина Павлова, урожденная Яниш, родилась в 1807 году в Ярославле. Отец ее, обрусевший немец, профессор Карл Иванович Яниш был широко образованным человеком. Медик по специальности, занимался астрономией и живописью, отлично знал литературу. Под руководством отца Каролина получила прекрасное домашнее воспитание. Она была умна, замечательно образованна, в совершенстве владела многими языками, умела рисовать, обладала недюжинным литературным талантом, превосходно переводила с одного языка на другой. Ее личность, блеск ума привлекали к ней симпатии многих выдающихся людей, среди них поэты Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, П. А. Вяземский. Великий немецкий ученый Александр Гумбольдт, познакомившийся с Каролиной Яниш в 1829 г. был восхищен как ее общими познаниями, так и ранними стихами. Именно он вдохновил "юную Каролину" взяться за переводы русских поэтов. "Господин Гумбольдт, с которым я имела счастье познакомиться во время его пребывания в Москве, был тем, кто дал первый повод к этим попыткам; в беседах со мной о современном состоянии русской поэзии он выражал желание иметь более подробные сведения о ней посредством совсем точных переводов и ободрил меня взяться за эту работу", - вспоминала впоследствии Каролина Карловна. Рукопись ее стихотворений и переводов А. Гумбольдт взял с собой, чтобы показать их Гете. Гете одобрил их и прислал лестное письмо. По словам его невестки "тесть всегда хранил эту тетрадь на своем столе".

образованна, в совершенстве владела многими языками, умела рисовать, обладала недюжинным литературным талантом, превосходно переводила с одного языка на другой. Ее личность, блеск ума привлекали к ней симпатии многих выдающихся людей, среди них поэты Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, П. А. Вяземский. Великий немецкий ученый Александр Гумбольдт, познакомившийся с Каролиной Яниш в 1829 г. был восхищен как ее общими познаниями, так и ранними стихами. Именно он вдохновил "юную Каролину" взяться за переводы русских поэтов. "Господин Гумбольдт, с которым я имела счастье познакомиться во время его пребывания в Москве, был тем, кто дал первый повод к этим попыткам; в беседах со мной о современном состоянии русской поэзии он выражал желание иметь более подробные сведения о ней посредством совсем точных переводов и ободрил меня взяться за эту работу", - вспоминала впоследствии Каролина Карловна. Рукопись ее стихотворений и переводов А. Гумбольдт взял с собой, чтобы показать их Гете. Гете одобрил их и прислал лестное письмо. По словам его невестки "тесть всегда хранил эту тетрадь на своем столе".

Несомненно, большое значение в ее личной и творческой биографии имела любовь к великому польскому поэту Адаму Мицкевичу, с которым Каролина Яниш познакомилась в знаменитом художественно-литературном салоне Зинаиды Волконской, где бывали Пушкин, Одоевский, Дельвиг, Вяземский, Погодин, и др. Поводом для более близкого знакомства стало изъявление Каролиной желания изучить польский

язык. Человек исключительных дарований, блестящий собеседник, гражданин в полном смысле этого слова, к тому же окруженный скорбным ореолом изгнанничества, он произвел на девушку неизгладимое впечатление. Молодые люди полюбили друг друга и собирались пожениться, но Яниши восстали против брака дочери с необеспеченным и политически неблагонадежным поэтом. Да и сам Мицкевич, охладев к невесте, вскоре оставил Москву. Больше с Каролиной Павловой они не встречались. Много лет спустя, глубокой старухой, она писала сыну Мицкевича: "Воспоминания об этой любви и доселе являются счастьем для меня".

Расцвет ее поэтического дарования приходится на 40-годы XIX века. Она выходит замуж за известного и модного в то время прозаика Николая Филипповича Павлова.

Литературные вечера в доме Павловых становятся заметным явлением в культурной жизни Москвы этого десятилетия. Их посещали Вяземский, Баратынский, братья Аксаковы, Гоголь, Чаадаев, Фет, Хомяков, Шевырев, И. С. и А. И. Тургеневы и др. Именно здесь в конце мая 1840г. провел свой последний московский вечер М. Ю. Лермонтов перед отправкой на Кавказ.

Это было время наибольших успехов Павловой и расцвета ее поэтического дарования. Она много писала, деятельно участвовала в журналах, альманахах, овладела отточенным стихотворным мастерством. Однако литературную известность ей принесли талантливые переводы.

Известный французский писатель А. Ламартин, рассуждая о переводах, как-то сказал, что это самое трудное и почти невозможное искусство человеческого разума. Он говорил о переводах, сделанных знаменитыми поэтами, обладавшими языком, достойным восхищения. Сколько красот языка, в самом деле, пропадает при переводе с одного языка на другой. Поэзия, - это в некотором роде, летучая эссенция; она содержится в запечатанном флаконе, куда заботливо поместил ее поэт. И если попытаться перелить ее в другой сосуд, то она может и испариться. Подобно душе, меняющей тело, она зачастую теряет нечто неумовимое и божественное, что было ей присуще в ее первоначальном состоянии.

А переводческий талант Павловой ценили Гете, Бальзак, русская критика: И. Киреевский, М. Катков, А. Григорьев, В. Белинский, А. К. Толстой, произведения которого она переводила на немецкий язык. "Я никогда не встречал ни в настоящем, ни в прошлом, такого переводчика, как Вы. Вы не переводите - Вы творите во второй раз и часто пре-

восходите подлинник", - писал он.

Одним из первых, кто дал высокую оценку ее новому сборнику стихотворений "Прелюдии", назвав их не просто "поэтическими", а "художественными", был Константин Аксаков. С семьей Аксаковых, одной из старинных русских семей, Каролину Павлову связывали особые отношения. Иван Аксаков (1823-1886), русский публицист и общественный деятель, живя в провинции по делам службы, был тем не менее хорошо осведомлен о значительных общественных и литературных событиях своего времени, постоянно интересовался творчеством К. Павловой, выходом в свет ее новых произведений. Ему она посвятила одно из своих стихотворений "В часы раздумья и сомненья...". Прочитав его, Сергей Тимофеевич в письме к сыну в Калугу отмечал, что вместе с Константином нашли в нем "большое достоинство". Со стороны Аксакова, большого мастера русской речи, всегда упорно работавшего над языком своих сочинений, это была большая похвала творчеству Павловой. Поэтому не случайно Каролина дарит им книгу с такой дарственной надписью.

"Прелюдии" - это сборник переводов на французский язык с английского, немецкого, русского. Открывается он предисловием одного из редакторов книги - Луи де Роншо, который, высоко отозвавшись о переводах Павловой, сообщает некоторые сведения о самой переводчице. "Сегодня мадам Павлова представлена французской публике как поэт и как переводчик. На новом пока что для нее языке она добилась успеха, что кажется нам очень трудным и практически невозможным, хотя мы владем этим языком с детства. Переводы, опубликованные мадам Павловой, делают честь нашему языку и являются подарком нашей литературе. Ободренная еще в молодости Жуковским, Гумбольдом, а ныне французскими литераторами, которые успели прочитать "Прелюдии" в рукописи, она заявила о своем праве занять место и во французской поэзии, заручившись поддержкой блистательных иностранных поэтов, чьи стихи она переводит чрезвычайно верно и поэтично."

Сборник "Прелюдии" содержит много отрывков из произведений разных поэтов, переведенных ею на французский язык: Томаса Мура, Кэмпбелла, Гете, Шиллера, Вальтера Скотта, Петрарки, Данте. "Подлинным счастьем для французского читателя будет знакомство со стихами великого поэта Адама Мицкевича, чьи произведения до сих пор бледно переводимые прозой, не дают и вполнину представления о его таланте", отмечает Луи де Роншо.

Из русских поэтов в сборник вошли произведения Жуковского и Пушкина, в том числе перевод одного из лучших стихотворений Пуш-

кина "Полководец", посвященный герою Отечественной войны 1812г., генералу Барклаю де Толли.

Перевод стихотворения "Полководец" отмечен восторженным отзывом В. Белинского. Он изумился искусству с которым "она перевела на французский "благородную простоту, силу, сжатость и поэтическую прелесть "Полководца".

"Прелюдии" попали к нам из библиотеки А. И. Казначеева. Видимо, как всякий высокообразованный человек своего времени, С. Т. Аксаков, всегда был рад поделиться со своими близкими по духу друзьями чудом творчества стихосложения и перевода, какие ему посчастливилось открыть для себя. И он дарит книгу Павловой А. И. Казначееву, с которым его связывала 50-летняя дружба.

Александр Иванович Казначеев - хорошо известная в Крыму личность. Находясь в течение 9 лет (1828-1837) на главных административных постах в Таврической губернии в качестве таврического губернатора и градоначальника г. Феодосии, он очень много сделал для развития экономики, образования и культуры Крыма. Книги из его личной библиотеки сейчас хранятся в фондах библиотеки КФУ

Что касается судьбы Каролины Павловой, то она, в силу сложившихся обстоятельств, покинула Россию, поселилась в Германии, и тем самым выпала как поэт из русской литературной среды. Умерла она в 1893 г., в возрасте 86 лет, в полном одиночестве и материальной нужде. К концу века Павлова стала забытым поэтом. "Воскресил" ее Валерий Брюсов, который совершенно случайно нашел в скупке потрепанный сборник ее стихов. "Восхитительно! Чистый алмаз", - воскликнул поэт и организовал переиздание ее стихотворений.

Литературоведы и исследователи ее творчества считают ее лучшей русской поэтессой после Ахматовой и Цветаевой, в творчестве которой "лирика женского сердца" получила наиболее полное и значительное воплощение. Но неопределимая ее заслуга заключается в том, что она открыла европейским читателям русскую поэзию.

Особое место в фонде отдела редкой книги занимает детская литература и среди них книги графини де Сегюр. С этим именем связана еще одна страничка нашей культуры, остававшаяся долго закрытой. Во Франции имя классика детской литературы - писательницы графини де Сегюр (1799-1874) хорошо известно каждому школьнику, и ее произведения входят в обязательный курс школьной программы. Ее имя приписано к "памятникам национальной культуры", а произведения неоднократно переводились и экранизировались в разных странах мира. В честь мадам де Сегюр названа одна из улиц Парижа, музей, восхити-

тельная красная роза, а ее памятник украшает одну из аллей знаменитого Люксембургского сада.

Эту замечательную писательницу знают и любят во многих странах мира, но, увы, почти не знают в России, возможно только потому, что на всех книгах, написанных ею, стоит высокий титул и девичье имя писательницы, подчеркивающей свое русское происхождение, которое она никогда не скрывала: графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина.

Софья Ростопчина родилась в Санкт-Петербурге в 1799 году, в семье графа Федора Васильевича Ростопчина. Павел I был крестным маленькой девочки. Софья получила прекрасное образование, свободно говорила на иностранных языках, виртуозно играла на фортепиано. Но в первую очередь ее характеризовали природный ум, доброта и искренность.

В 1812 году Федор Ростопчин был назначен генерал-губернатором Москвы. Это он, выражаясь словами Наполеона, тот самый "проклятый русский, который поджег Москву." Ростопчин сжег и свою подмосковную усадьбу Вороново, в которой прошло детство Софи. После войны 1812 года при дворе Александра I граф Ростопчин впал в немилость, уехал с семьей в Европу и обосновался в Париже. Там Софья выходит замуж за потомка знатного, но разорившегося рода графа де Сегюра. Но счастья в семейной жизни не находит и все свое внимание сосредотачивает на детях, которых у нее было восемь.

Карьеру детского писателя она начала как мама и бабушка, просто выдумывая увлекательные и назидательные истории своим детям и внукам. Только, в конце жизни по совету Эжена Сю, известного французского писателя, который говорил, что от ее рассказов невозможно оторваться, произведения Сегюр стали издаваться. "Подумайте о радости сотен детей, которые прочтут эти страницы", говорил он. Марина Цветаева весьма высоко ценила творчество Сегюр: "Графиня де Сегюр - большая писательница... Прошу обратить внимание на ее сказки из серии книг "Розовая библиотека" - лучшее из всего ею написанного - сказки совершенно исключительные. Сказки, которым я верна уже четвертый десяток, увидеть их в витрине для меня - неизбежно купить."

В 56 лет графиня Ростопчина заключила свой первый контракт с самым известным во Франции издательством Луи Ашетт. Успех превзошел все ожидания. Книги распродавались сотнями миллионов экземпляров.

В нашем фонде хранятся несколько книг из серии "Розовая библиотека", среди них "Pauvre Blaise" ("Бедный Блез"), изданная в 1911 году, в

традиционном розовом переплете с золотым тиснением. Ее сказки, рассказы - истории, рассказанные самими детьми, которые не думают об эпитетах, обсуждая с родителями свои радости или горести. Писательнице не нужно проникать в детскую психологию - это для нее открытая книга. Не в этом ли секрет ее успеха?

Надо сказать, что графине де Сегюр очень повезло с художниками, иллюстрировавшими ее книги из "Розовой библиотеки". Это знаменитый Гюстав Доре, Эмиль Баяр, а также замечательный художник Анри Каstellи, иллюстрации которого украшают наше издание. Они настолько красноречивы, что содержание этой книги не нуждается в переводе.

Ее сказки и романы были известны и в России, где издавались до 1917 года. Сейчас интерес к ним возрождается вновь.

Судьба Софьи Ростопчиной-де Сегюр - удивительный пример исторического переплетения судеб России и Франции. И хотелось бы, чтобы об этой писательнице знали и гордились ею не только французы, но и русские.

А теперь хотелось бы обратить внимание на книгу, сыгравшую важную роль в истории европейской - и не только европейской - эстетической мысли, второй половины 19 века, и ставшей своеобразным гимном русской литературы этого времени. Не случайно книга эта называлась "Русский роман", и, хотя в двух первых ее главах прослеживалась история русской литературы с древнейших времен, в центре внимания ее автора - Эжена Мельхиора де Вогюэ (1848-1910) находилась русская реалистическая проза и прежде всего творчество четырех ее великих творцов - Гоголя, Тургенева, Достоевского, и Льва Толстого.

Виконт Эжен Мельхиор де Вогюэ, французский дипломат и литератор, прожил в России шесть лет в качестве секретаря французского посольства в Петербурге. В нач. 1878 г. он женился на фрейлине императрицы Александре Анненковой и вхожий в великосветские и литературные круги общался здесь с самыми прославленными русскими литераторами, в частности, с Ф. Достоевским, Вл. Соловьевым и др.

По возвращению во Францию он оставил дипломатическую карьеру и полностью посвятил себя литературной деятельности. Вогюэ опубликовал в журнале "Ревю де Де Монд" целый ряд статей о русских писателях, а затем объединил их в книгу, которая и явилась главным интеллектуальным итогом его шестилетнего пребывания в России. Книга эта, озаглавленная "Русский роман", увидела свет 7 июня 1886 года в парижском издательстве Плон и вскоре принесла Вогюэ широкую известность; нет сомнения в том, что именно ей он обязан избранием во Французскую Академию. Но книга появилась на свет благодаря гра-

фине Софье Андреевне Толстой, вдове А. К. Толстого, женщине разносторонней и необыкновенной, которая подала ему идею познакомить французскую публику с русскими писателями и помогла разобраться западному человеку, иностранцу "...в запутанных душах" русских гениев.

"С какой бы точки зрения мы его не изучали, "Русский роман", - писал в своей обширной и содержательной статье французский историк литературы и критик Виктор Жиро, - остается прекрасной книгой, великой книгой. По прошествии четверти века мы можем сегодня утверждать: это одна из самых значительных книг конца 19 столетия".

Нельзя сказать, что до Вогюэ французы совсем ничего не знали о русской литературе. Но своей книгой Вогюэ заставил французов взглянуть другими глазами на Россию и русских. Впервые французский литератор признавал самобытность, оригинальность, и художественные достоинства русской литературы. "Русский роман очаровывает "дыханием жизни", искренностью и состраданием, - писал он. Причем Вогюэ настаивал, что именно в романе, а не в романтической поэзии нач. 19 века нашла наиболее полное выражение "русская душа".

С появлением книги Вогюэ, выдержавшей множество изданий и затем дважды переведенной на английский язык, русская литература начала свое триумфальное шествие по странам и континентам. Хотя в России этот труд издан был лишь частично в виде отдельных очерков о русских писателях.

Рассматривая сквозь призму французского писателя творения великих русских романистов, читающий мир с восхищением и немалым удивлением открывал для себя то особенное и неповторимое, что в них заключалось. Русские писатели смогли создать галерею героев, которые по высоте своего нравственного уровня, по глубине духовных исканий стали образцовыми во всей истории романа. По мнению многих современников и исследователей книга Вогюэ стала открытием русской литературы для европейских читателей.

Развитию русской литературы во Франции во многом способствовал французский писатель, переводчик, искусствовед и критик Луи Виардо (1800 - 1883). Он первым перевел на французский язык "Тараса Бульбу" Н. В. Гоголя, а затем и другие его произведения. Эти переводы, сохранившие колорит и оригинальную манеру Гоголя имели необыкновенный успех и были высоко оценены Сент-Бевом. По некоторым свидетельствам, во Франции образовались литературные кружки поклонников Гоголя и устраивались "ежемесячные обеды, на которых происходили дискуссии литературного характера. Интересно, что обе-

ды эти назывались "Обеды добрых казаков". Имя Гоголя становится хорошо известным не только во Франции. Его произведения переводятся на арабский, японский, китайский и др. языки.

Рассматривая французские книги в России и русские книги во Франции хочется обратить внимание на важную функцию или миссию литературы, а именно, миротворческую. Не случайно, Вогюэ, говоря о главной цели своего труда писал: "Нам всем необходимо трудиться на благо сближения стран путем духовного взаимопроникновения. Ибо тесная дружба и солидарность между двумя народами, как и между двумя людьми, возможны лишь при интеллектуальном контакте".

Великая национальная культура немислима вне международного общения. Русская культура дала миру много ярких имен, в том числе и в области литературы, которая буквально ворвалась в жизнь в мощном и ослепительном блеске таланта в XIX веке. Но своему успеху и высокому статусу во Франции, а затем в Европе, она во многом обязана французским критикам, писателям, издателям и переводчикам. Отношение к России в корне изменилось. Ее стали воспринимать как одну из немногих стран мира, которая не только заимствует культурные ценности у других народов, но и одаривает, предлагает новые духовные, идейные и эстетические ориентиры.

Настала очередь Европы удивляться, подражать, учиться у России, что она делала с превеликим удовольствием, и даже завистью.

Современный мир диктует другие правила игры. Поэтому сегодня как никогда важна новая оценка традиций культурных связей столетней давности. Творческий диалог, культурное сотрудничество, обмен духовными ценностями способствуют складыванию доверительных отношений между народами, что подчас невозможно добиться никакими политическими договорами.

А наши французские книги, о которых идет речь, интересны не только сами по себе, годом издания, уникальными автографами, Они свидетели своей эпохи, участники тех событий и яркий пример культурного взаимодействия двух стран, создающего базу для плодотворного сотрудничества во всех других областях, основанного на дружбе и согласии.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844-1849. М. 1988. С. 704.
2. Бобков В. В. Феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев: основные вехи административной деятельности / В. В. Бобков // Ученые записки Таврического национального университета

им. В.И. Вернадского. Серия "Исторические науки". 2010. Т. 23(62), № 1: Спец. выпуск "История Украины". С. 32-41.

3. Бобков В. В. Материалы к биографии Таврического губернатора А. И. Казначеева :письма к С. Т. Аксакову (1820-1853) // Историческое наследие Крыма. 2009. № 25. С. 112-125.

4. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь, 2008. С. 199.

5. Павлова К. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья П. П. Громова. Москва-Ленинград, 1964. С. 615.

6. Шарапа В. Ф., Непомнящий А. А. Таврический губернатор А. И. Казначеев // Культура народов Причерноморья. 1977. №2. С. 226-229.

7. Яновский-Максимов Н. Сердцу дорогие приметы. М. 1972. С. 49-72.

8. Стронгина Н. Графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина // Шире круг. № 2012. С. 70-73.

9. Pavlova Karolina. Les Preludes. Avant-Propos. L. De Ronchaud. Paris. 1839. С. V-XII.

10. V-te E.M. De Vogue. Le Roman Russe. Paris, 1886. С. 351.

THE FRENCH BOOK OF THE XIX CENTURY IN THE LIGHT OF THE LITERATURE YEAR IN RUSSIA

Yurkevich Nina Valentinovha,

*Head of the Rare books and manuscripts department
Scientific library of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia)
+7 978 856 99 25 ; ibrary@crimea.edu*

The article deals with the French books of the XIX th century. Their authors both of Russian and French lineage contributed with their works to the rapprochement of both countries and to the establishment friendship and cooperation between them by means of spiritual interpenetration and dialogue.

Keywords: *Pavlova Carolina, Segur countess de, Vogue Eugene-Melchior de, translations, French literary criticism, French children's literature.*

References

1. Aksakov I. S. Pisma k rodnym. 1844-1849 [Letters to relatives. 1844-1849]. М. 1988. P. 704.

2. Bobkov V. V. Feodosiyskiy gradonachalnik Alexandr Ivanovich Kaznacheyev: osnovnye vekhi administrativnoi deyatelnosti [Feodosian mayor Alexander Ivanovich

Kaznacheyev: the main milestones of administrative activity] // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya "Istoricheskiye nauki". 2010. T. 23(62), № 1: Spets. vypusk "Istoriya Ukrainy". P. 32-41.

3. Bobkov V. V. Mateliyaly k biographii Tavricheskogo gubernatora A. I. Kaznacheeva: pisma k S. T. Aksakovu (1820-1853) Materials to the biography of Tavrida governor A. I. Kaznacheyev: letters to S. T. Aksakov (1820-1853)] // Istoricheskoye nasledie Kryma. 2009. № 25. P. 112-125.

4. Orekhov V. V. Mif o Possii vo frantsuzskoi literature pervoi poloviny XIX veka [The myth about Russia in the French literature of the first half of the XIX century]. Simferopol, 2008. S. 199.

5. Pavlova K. Polnoye sobraniye stikhotvoreniy. Vstupitelnaya statya P. P. Gromova [Complete set of poems. The foreword by P. P. Gromov]. Moskva-Leningrad, 1964. S. 615.

6. Sharapa V. F., Nepomnyashchiy A. A. Tavricheskiy gubernator A. I. Kaznacheyev [Tavrida governor A. I. Kaznacheyev // Kultura narodov Prichernomopia. 1977. № 2. P. 226-229.

7. Yanovskiy-Maximov N. Serdzu dorogiye primety [Dear signs to the heart]. M. 1972. S. 49-72.

8. Strongina N. Grafinya de Segur, urozhdenaya Rostopchina [Countess de Segur nee Rostopchina] // Shyre krug. № 2012. P. 70-73.

9. Pavlova Karolina. Les Preludes. Avant-Propos. L. De Ronchaud Preludes. The foreword of L. De Ronchaud. Paris. 1839. P. V-XII.

10. V-te E.M. De Vogue. Le Roman Russe. Paris, 1886. S. 351.

